

Точка зрения

Лана ГОГОБЕРИДЗЕ:

НЕ ОСУЖДАТЬ, А ПОНЯТЬ

КАК ЭТО прекрасно — жить, любить, горевать и надеяться! Как это славно — гулять по Тбилиси, по проспекту Руставели!

Идет по проспекту женщина. Странно одета: одновременно обветшалое и элегантно. Другая — старомодная, в берете и очках. Одна спешит на кинопробу (в который раз ей откажут!), другая, ученая — на совещание (она попадет под машину, сломают ногу). Их судьбы пересекутся, мы узнаем, что они подруги детства...

По тому же проспекту Руставели идут два парня и девушка, милые, веселые, раскованные. Но и в их судьбе случится непоправимое. А вот еще герой — по его виду сразу скажешь, что человек с положением. Его драма — не может удостоить собственную дочь, рожденную вне брака...

Эти люди, живые подробности их быта — в центре нового фильма «Круговорот» режиссера Ланы Гогоберидзе. На наших глазах рушится старый город с его узкими улочками, перенаселенными квартирами. И сжимается сердце, ибо с исчезновением старых домов, старых кварталов уходит что-то дорогое. На смену одному поколению приходит другое, и каждое увидено зорко, хотя вроде и не успели герои совершить ничего особенного... Так что же: картина эта — лишь «поток жизни»?

Каждый художник по-своему откликается на веление времени. В момент такой яростной заинтересованности социальной проблематикой Даниил Гранин пишет нежную, пронизанную сердечной болью статью о вечном и непреходящем в человеке — пишет о милосердии, без которого оказалось немисливо жить. Существуют и такие человеческие качества, как сомнение в себе — в противовес непробиваемой фанатичности, — деликатность, ранимость, стремление понять чужую точку зрения. Нужно ли думать обо всем этом, писать, ставить фильмы? Думаю, нужно, и нужно именно сегодня. И милосердие особенно важно — в огромной человеческой массе увидеть

одного-единственного человека, угадать его боль, а порой и отчаяние.

Из своей жизни, заполненной крупными и малыми драматическими событиями, я вынесла уверенность: не по своей воле включается человек в те или иные исторические катаклизмы, он вовлечен в общий жизненный круговорот, слишком много бед обрушивается на его голову. И потому не могу быть судьей человеку или обвинителем, я тоже участник круговорота жизни. Не осуждать, а понять мне хочется Личность, всегда уникальную. А если понимаешь, то и сострадаешь.

Сегодня в бурной общественной перестройке происходит, на мой взгляд, самое важное: на наших глазах раскрепощается личность. Восстанавливается историческая память народа, идет борьба с безликим, нивелированным отношением к человеку, социальному или художественному, явлению нашей общественной жизни. Совсем недавно это выразилось пресловутой формулой «есть мнение» — есть мнение, значит, спорить нечего. Сейчас публицисты, писатели, критики высказывают действительно свое мнение, тем самым предоставляя каждому из нас возможность определить свою точку зрения, найти свою правду, без вечного поиска которой жизнь человека потеряла бы всякий смысл. Самое важное и главное, что должно произойти в итоге перестройки и демократизации, — это пробуждение и активизация личности. Мне кажется, что сегодня это возможно. Поэтому мне представляются неправильными промелькнувшие в печати рассуждения о том, что «слов сказано уже много». Их надо говорить, эти такие важные слова, они составная часть нашей общей перестройки, их надо говорить не только сегодня, но и завтра, когда слова будут реально превращаться в дела, и надо будет оценивать возникающие расхождения и опять же словами и делом — одновременно — бороться с ними.

Недавно у меня брали интервью для английского телевидения корреспонденты Би-би-си.

Я восприняла как приметку времени их явную заинтересованность в том, что происходит сегодня в нашей стране. Они хотели узнать и мое мнение о гарантиях необратимости процесса демократизации. Ответила я им то, что хочу сказать и нашему читателю: истинная гарантия — это мы, это каждый из нас, это осознание каждым членом общества своей роли, своей готовности нести на себе всю тяжесть процесса демократизации и перестройки. «Социальная перестройка жизни, не подкрепленная душевной работой каждого, не может дать должного результата», — говорил Федор Абрамов.

— Эта «душевная работа» и составляет основной смысл ваших фильмов, в частности, фильма «Круговорот».

— Да, речь в нем — о страстях человеческих и о бремени наших страстей. Меня всегда интересовали переплетения человеческих судеб, характеров и поступков, их случайные и неслучайные столкновения и то, как поступок одного человека отзывается на другом. Человек рождается один и умирает один. Но, как существо социальное, он стремится преодолеть одиночество, сломать стену, иногда стеклянную, которая отделяет его от других людей, докричаться до чужой души. Как у Андрея Вознесенского:

Милая, плохо? Планета
пусть, Официанты бренчат
пустя, мелочишкой.
Выйдешь на палубу, пар
изо рта.
Не докричишься!

Не докричишься. Когда мы с Заирой Арсенишвили писали сценарий, мы не искали и не сочиняли специально неустраивающей судьбы. Мы писали о людях, которых знали, наблюдали. Хотелось рассказать о многоголосье человеческих судеб, о душах, раненных одиночеством, и о том, что и одиночество таит в себе надежду... Вне этого ощущения нет жизни. Мы намеренно избегали острого сюжета, в жизни — вязь человеческих отношений, смешное и печальное, свет и тени, веселье и грусть сплавлены.

— Однако веселого не так уж много в вашем фильме. Его смысловым стержнем стал, на мой взгляд, психологический эксперимент: мы не слышим, о чем говорит девушка на экране, может быть, и о любви, и о ненависти...

— Когда-то я была свидетелем эксперимента, который вел профессор психологии Дареджан Рамишвили. Нам показывали на экране лицо человека в момент проявления различных эмоций. Звук был отключен, и по немому лицу надо было определить чувства. Мы все путали — любовь с ненавистью, страх с отчаянием и так далее. Эксперимент запал в душу и стал одним из импульсов создания фильма. Порой это так трудно — услышать другого и быть уверенной, что тот, другой, тоже слышит тебя.

— Недавно мне на глаза попался «Советский экран» 1963 года. В интервью вы говорили: «Фильм, который я собираюсь ставить, называется «Полдень» — по мотивам рассказа Т. Чилладзе»...

— Сценарий был сложный, многоплановый. Герою картины 30 лет. Он пережил тяжелую личную драму, связанную с временами культа личности... Основная мысль сценария заключалась в том, что какие бы невзгоды ни перенес человек, как бы близко ни коснулось его зло, он не может стоять в стороне, не имеет права уклоняться от активного вмешательства в общественную жизнь... Фильм должен был рассказать о том, что выстрадано всей жизнью и поэтому представлялось главным. Он был запущен в производство, мы вместе с оператором Леваном Пааташвили уже приступили к пробе актеров... И на этом все кончилось. Напомню: шел 1963 год.

А до этого, тоже в подготовительном периоде, была «закрыта» моя первая картина «Волны стремятся к берегу» по мотивам рассказа А. Сулакаури. Только кинематографисты знают, что стоит за этой сухой формулировкой — «закрыть картину». И каждый раз в отчаянии я хваталась за что-то другое, конечно, не такое выстраданное.

Мой третий фильм — «Рубежи» — непосредственно касался социальной пассивности. И опять, уже в процессе съемок, я стала перед выбором: либо в корне переделать сценарий, либо — в который раз — пойти на «закрытие». И я сдалась, стараясь, однако, сохранить первоначальный замысел. Фильм был снят, но на всесоюзный экран его не выпустили. «Человек улетел в космос, а вы в это время снимаете убийство в подземном переходе», — сказали мне на обсуждении.

В середине 70-х годов ситуация в нашей республике в корне изменилась. Появилась активная, я бы сказала, кровная заинтересованность партийного руководства Грузии в судьбах искусства. Глубокое и продуманное отношение к искусству вскоре принесло плоды — бурный расцвет театрального искусства Грузии и такой же яркий взлет в кинематографе. Я рада, что могу сказать: на нашей студии существовала атмосфера товарищества и взаимной поддержки.

— В чем вы видите новое в кинематографе?

— Мне чрезвычайно по душе и накал страстей, и бурные дебаты в нашей среде. Мы стоим на пороге важных преобразований. Меняется вся система связей и взаимоотношений творчества и производства, созидания и управления. Рассчитываются новые финансовые и экономические механизмы. В конечном же итоге, как и вся перестройка, эти преобразования должны иметь единственную цель: открыть дорогу талантисту, известным художникам, у которых есть выстраданная правда, которым важно докопаться до сути явлений, которые по-своему слышат веление времени. Но тут каждому из нас необходимо предъявлять требования и к самому себе. Это не просто модные слова — «начинать надо с себя». Да, надо бороться с собственной пассивностью, с выработанными годами скепсисом, потерянными умениями противостоять обстоятельствам. И ни в коем случае не стоять в стороне. Это же легче всего — встать по старинке в позу наблюдателя и, потирая руки, созерцать, что будет. Надо понять, что тогда не будет ничего.

Но, на мой взгляд, остается еще одна дверь, которую нам необходимо отворить общими усилиями, и об этом хочется сказать особо. Судьбы национальных кинематографий — составная часть национальной политики. Вопрос тонкий, щепе-

тливый. Не будем закрывать глаза на то, что он все еще существует в нашей стране. Нет, да и проявляется национализм. Это чревато последствиями. Думают ли сегодня художники кино во всем объеме над проблемами национального самосознания? Эта работа ложится во многом на республиканские студии. То, что сформировался феномен литовского, или киргизского, или грузинского кино, — это особое и чрезвычайно важное завоевание нашей национальной политики. Но сейчас, в условиях новой модели кинематографа, возникают определенные сложности. На республиканских студиях, выпускающих не так много картин, труднее сохранить правильное соотношение художественных и коммерческих интересов. Вопрос стоит конкретно: у грузинского кино — репутация устойчивая, а показатели по всесоюзному прокату — из самых низких. Обоснованная тревога: как сложится дальнейшая судьба грузинского (читай — армянского, узбекского и т. д.) кинематографа, не утратит ли он, чтобы «выжить», удержаться на позиции самоопределенности, своеобразный характер, связанный с традициями и культурой именно своего народа? Я знаю, что об этом размышляют кинематографисты и в республиках, и в Москве, но не считаю лишним в условиях гласности еще раз назвать эту проблему на страницах всесоюзной прессы.

Художник отвечает за все... В мастерской С. А. Герасимова сложились художественные убеждения, которым верна его ученица Лана Гогоберидзе — художественный руководитель творческого объединения «Грузия-фильм», депутат Верховного Совета Грузинской ССР.

Я не стал ее спрашивать о любимом городе: конечно же, это Тбилиси. Она снимает его почти в каждом фильме. И в каждом ее фильме — женщины разного возраста, социального положения: вспомните «Под одним небом», «Я вижу солнце», «Несколько интервью по личным вопросам», «День длиннее ночи». А теперь — «Круговорот». На долю ее героинь выпали серьезные испытания, но объединяет их чувство ответственности за прожитое и будущее. Они словно бросают вызов тем, кто устал верить, что жизнь — это и есть величайшее счастье.

Беседу вел
А. ЛЕБЕДЕВ.